

Михаил Пойзнер

С постоянной пропиской...

Все истории всегда с чего-то начинаются.

И эта тоже имеет свое начало.

Было это давно, но в голове до сих все еще продолжает «выстреливать» память. Еще продолжает прокручиваться та старая долгоиграющая пластинка. Хотя пересказывать чужую жизнь – дело неблагодарное.

Как когда-то в детстве мы купались на Ланжероне, если вода еще холодная? Так и купались: забежал – выбежал, забежал – выбежал... А в жизни разве так можно?

Родился – всё. Живи! Уже никаких «туда-сюда»...

В забытом уже 71-м году, после окончания Одесского водного, направили аж на Чукотку, в порт Анадырь. Куда дальше? Уже дальше некуда. Дальше уже Америка. Заняться пришлось взрывными работами. Задача не совсем обычная. Дорогу к порту «преграждает» небольшая сопка. Требовалось взорвать эту сопку, а потом из образовавшегося камня и щебня построить приличную дорогу. Все хорошо, если бы не жилые дома вокруг. При взрывах дома начинали громко трещать. Народ забил тревогу. Вот и мы, исходя из конкретной ситуации, подбирали оптимальную величину заряда, при котором «и овцы целы, и волки сыты».

Одесса далеко, а мы тут ковыряемся. Пиво, рыба, оленина... И ни одного родного лица. Выглянул в окно, а перед тобой – Берингов пролив. Не сразу привыкнешь... И вообще – здесь коэффициент аж два (!), через каждые полгода надбавка 10% от оклада. Того глядишь, после пяти лет работы – уже три (!) оклада. Как бы

неплохо. Плохо только, что эти пять лет надо как-то прожить. Из местных достопримечательностей – снег по уши, «алюминиевый» дом да памятник первому Ревкому Чукотки. Короче, весело...

Взрывы – это всегда опасно. Поэтому в интересах дела близко познакомились со взрывниками. Все-таки надо было как-то договариваться о совместных действиях. Вот, допустим, они начинают и нам тут же дают отмашку – мол, можно включать приборы для записи колебаний от взрыва. Такие обычные необычные технические моменты.

Среди взрывников выделялся Виталий – белесый немногословный парень, как нам показалось, ловче других справляющийся со своими обязанностями. Как-то во время очередной серии взрывов он буквально на наших глазах, рискуя своей жизнью, успел предупредить человека, случайно забредшего на испытательный полигон. При этом Виталий вел себя так, будто ничего не произошло.

Незаметно мы подружились. Чтобы «поддержать на плаву», он часто отвлекал меня от грустных размышлений: «Та подожди, все это пройдет. Ты не смотри, что летом повсюду лед, а на сопках еще снег. Вот числа 22 июня откроется навигация, а там путина, и той красной рыбы будет навалом. Она сама выбрасывается на берег – только подбирай!».

Мысленно я пытался сравнить себя с той рыбой. Может быть, от такой жизни я тоже выбросился бы на берег, но только на одесский. Хотя кто меня здесь мог понять?

И вот как-то раз нам пришлось заночевать в обычной рабочей общаге. Растопили баню. И тут я внезапно обратил внимание на странную наколку. На предплечье Виталика было наколото: «Прости, Одесса, но я твой». И подпись – В. А.

Среди всей нашей компании я был единственным одесситом. Единственным, как я считал, на всю округу. Наверное, поэтому других эта наколка не взволновала. Где-где, а почти на другом конце света не ожидаешь встретить одессита.

Одессит одесситу рознь.

А что этот?

Загнали Виталия на край света долги и неразделенная любовь. Классическая схема... Как бы подводя итоги прошлого, он сказал:

«Самое большое несчастье в жизни – это большая любовь к небольшому человеку». Эту мысль Виталий никогда не комментировал.

Завербовался – сначала на Камчатку. Рыболовецкий промысел, потом – на разделке рыбы и «на консервах». Что-то успел собрать...

Потом пришлось вернуться к старой специальности – взрывному делу. В чем-чем, а в этом он разбирался – служил когда-то в саперных частях. Да и потом много лет отработал в различных взрывпромах. Как раз в Анадыре намечались неплохие объемы взрывных работ – на карьерах и вообще на близлежащих стройках.

А кто тогда честным трудом мог заработать много? И здесь надо было «ставить голову», и здесь надо было кидаться из конца в конец за копейкой.

«Еще чуть-чуть и еще какой-то кусочек – рассчитаюсь и сразу к себе, на Пастера... Так ты ж еще не видел мой двор! Это что-то!!! Еще вспомним и посидим хотя бы у «Бабы Ути», – его слова тоже мысленно возвращали меня домой. А как-то, отведя глаза в сторону, он проронил: «Я понимаю все. Только не понимаю, куда ушла моя молодость. Кажется, что она еще где-то совсем рядом...». Понять это в то время мне было не дано.

Как только я попадался ему на глаза, сразу же начинались «одесские пересказы» – на каком углу что когда было, опять Сборка и «Черноморец», Слободка и Отрада, Пастера и Ольгиевская... И опять про свой двор... Короче, вся наша «одесская действительность». Непреднамеренно он начинал и продолжал травить мне душу.

Однако пришло время и мне покинуть Анадырь. Нашу группу каким-то приказом министра Морского Флота перевели в Находку испытывать причалы. А мне какая разница? Ближе – дальше. Все равно это не Одесса...

Сидя в мрачной точке, наспех приспособленной вечерами под ресторан, под живую музыку шабашников из Черновцов мы с Виталиком потянули по 50 грамм «на дорожку». Не успели даже перекурить, как рядом за соседним столиком внезапно вспыхнула серьезная разборка... с оружием. Соседи громко выясняли отношения, заодно цепляя всех присутствующих. Всего-то в ресторане столиков пять-шесть, не более. Вот-вот должна была прийти

очередь и до нас. Разбирающиеся время от времени даже жестикулировали, как казалось, в нашу сторону. И тут Виталий резко встал из-за стола: «Я сейчас...». В голове стучало: «Неужели бросил меня?». Однако буквально через несколько минут он с улыбкой вернулся. Я не успел и рта открыть, как один из музыкантов довольно развязно объявил: «Для только что откинувшихся одеситов исполняется песня «Ах, Одесса...». По залу полетели согревающие звуки далекой «жемчужины у моря». В ответ Виталий привстал и охотно раскланялся с музыкантами.

Развалившись на стуле и подмигивая мне, он демонстративно перекидывал нож из одной руки в другую, в такт музыке пристукивая ногой. За соседним столом мгновенно замолкли. Одобрительно кивая в нашу сторону, один из дебоширов поднял сразу две руки в знак приветствия. Еще через мгновение официант поставил на наш стол бутылку «Московской», вымолвив: «Люди очень уважают ваш город»...

Уже на самых дверях меня попытались остановить. Неуверенные ответы на вопросы могли стоить жизни. И тут сказало мое все-таки молдаванское воспитание. Я быстро нашелся. Не дав даже слова сказать, почти автоматически сонливо процедил: «Брат! Извини, спешим... Тут надо еще успеть кое с кем рассчитаться...». В ответ понимающе кивнули...

Эта картина и сегодня стоит перед глазами.

Спустя минуты мы незаметно исчезли. Виталик опередил меня: «А что я тут сказал не так? Ты же действительно откидываешься, в смысле освобождаешь этот Анадырь. А скоро домой – в Одессу...».

Мы крепко обнялись.

На дворе стояла уже глубокая зима. Из самого Анадыря до аэропорта добирались по льду залива, потом самолетом до Магадана. Просидели там несколько дней и ночей из-за нелетной погоды. Потом до Хабаровска, затем Владивосток. А уже только оттуда поездом до Находки.

Тогда сквозь замерзшие иллюминаторы смотрел я на взлетную полосу, а в голове звучала популярная «Морзянка»: «...Меня домчат к тебе, когда разлука кончится, – олени в нартах, самолеты и такси...».

Точь-в-точь, как и у меня.

Так же длинно и я добирался домой.

Опять из Находки до Владивостока, потом Хабаровск – Иркутск – Новосибирск – Челябинск – Киев и наконец-то Одесса. В воздухе где-то часов двадцать. И билет в одну сторону – что-то аж 135 рублей.

Потом такси (если повезет), а так в набитом-перебитом до верха 101-м автобусе. Дальше ногами по темным молдавским улицам, пересекая Комсомольскую, Садиловскую, Градоначальническую или Раскидайловскую.

И вот ты и дома...

А через много лет я случайно встретил на Соборке одного парня. Лицо очень знакомое. Оказалось, что после Водного он работал свое на Дальнем Востоке, конкретно – в Анадыре. И как раз в то же время, когда я был там. Первое, что пришло в голову, спросить: а что там мой Виталик?

Парень нехотя выдал: «Виталик погиб... Спасал пацана – чуконка. Тот далеко зашел по тонкому льду. Пацана вытащил, а сам... Говорят, потом местные еще ухмылялись – мол, наши стоят, а ваш полез...».

...Когда прохожу по Пастера, чуть не доходя Торговой, всегда в память о Виталии останавливаюсь буквально на мгновение, чтобы заглянуть в его двор, не осмеливаясь шагнуть вовнутрь.

Как-то не сдержался.

Обычный старый одесский двор. Машины, поставленные на стоянку «до утра», куча детей, качели. Тени привычной акации и безразличного каштана.

Наверное, много перевидал этот двор. И свадеб, и похорон, и рождений, и отъездов... И играющих «в классы», и живущих каждый день по схеме «на работу – с работы». Вот кто-то, покуривая, смотрит с балкона отвлеченным взглядом на пятно двора, вспоминая, может быть, какие-то фрагменты уже промелькнувшей жизни...

В подъезде произвольно обращаю внимание на облупленную стенку, хаотически завешанную почтовыми ящиками. Еще теми, старыми почтовыми ящиками. Внезапно взгляд натывает

ся на одинокий, очевидно, бесхозный, почтовый ящик без замка. На ящике все еще четко выведены номер квартиры, фамилия и инициалы. Знакомая фамилия и знакомые инициалы – В. А.!

Сколько же лет напоминает ящик этот о его былом владельце?

Значит, все еще присутствует В. А. в своем доме!

Значит, не вычеркнут из одесской жизни.

Значит, не все в прошлом!

Все, как на той наклке: «Прости, Одесса, но я твой».

Жизнь совершила полный оборот...

